

А. В. Кулагин

Коломна, Россия

**ЛЕРМОНТОВСКИЕ МОТИВЫ
В ЛИРИЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ А. КУШНЕРА
(«ВБЕЖАЛ НА ХОЛМ И ЗАДОХНУЛСЯ...»)**

Стихотворение «Вбежал на холм и задохнулся...» (1973) – хронологически первое из двух десятков лирических произведений Александра Кушнера, содержащих лермонтовские мотивы. Отправной точкой ассоциативного лермонтовского фона стихотворения становится прямая отсылка к стихотворению «Бородино» (упоминание о *размере* «*Бородина*» как знак вообще присущей Кушнеру рефлексивности поэтической мысли), за которой открывается переключка с другими сравнительно поздними лермонтовскими произведениями – прежде всего, «Когда волнуется желтеющая нива...». Родство стихотворений двух поэтов обеспечивается и единым для них ощущением гармонии мира и восприятия его во всей полноте, переданным через пейзажные мотивы. Лермонтов вышел к этой поэтической мысли на исходе жизни, Кушнеру же она свойственна постоянно, на всех этапах его творческого пути.

Ключевые слова: Кушнер, Лермонтов, лирический сюжет, мотив, ритмика, просветление.

Лирика петербуржца Александра Кушнера – одного видных современных поэтов – всегда отличалась и отличается насыщенным историко-культурным фоном. Сюжеты и образы русского и европейского искусства, прежде всего искусства словесного, поэтом «присвоены и обжиты». Стихи Кушнера убеждают в том, как важны для современного сознания культурный опыт и багаж прежних эпох.

Естественно, особое место в этом опыте занимает русская классическая поэзия. Кушнер – и вслед за ним его лирический герой – особенно пристрастен к творчеству Пушкина, Баратынского, Тютчева, Анненского, Мандельштама (см., например: [1–5]). Но и Лермонтов на этом фоне не затерялся: мы насчитали два десятка стихотворений Кушнера, где появляются лермонтовские мотивы, – преимущественно в лирике последних десятилетий¹.

---

¹ Назовём их: «Своё лицо, его черты...» (1976); «За что? За ночь. За яркий по контрасту...» (1981); «А мы и в пятьдесят Андрюши, Люси, Саши...» (1986); «Как ночью берегом

Кулагин Анатолий Валентинович – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института (ул. Зелёная, 30, Коломна, Московская обл., 140411, Россия, kula-mariya@yandex.ru)

Наше внимание привлечёт одно из стихотворений, содержащих такие мотивы – насколько нам известно, хронологически наиболее раннее. Оно представляется нам чрезвычайно важным в поэтическом диалоге Кушнера с Лермонтовым, показательным для лирического мировосприятия автора и проницательным, по своему концептуальным в отношении к наследию великого поэта.

30 января 1973 г. Александром Кушнером написано стихотворение «Вбежал на холм и задохнулся...» Приведём полный текст его:

Вбежал на холм и задохнулся:
Направо – синий лес тянулся,
Вблизи – чернели пни.
Бежал ручей в кустах зелёных,
Люпины в жёлтых балахонах,
Шиповник огненный на склонах,
Боярышник в тени.

Полуотцветшая синюха,
Медвежье войлочное ухо,
Цикорий голубой.
Без дел не делающий шагу,
Из глаз давно изгнавший влагу,
Сны выносящий на бумагу,
Ты вздрогнул! Что с тобой?

Тому назад ещё мгновенье
Жизнь вызывала отвращенье,
Прельщала смерть одна.
И вдруг – как выход из неволи,
Освобождение от боли:
То ли цветы такие, то ли
Размер «Бородина»? [9, с. 189–190].

Лермонтовский мотив, как видим, прозвучал в самом финале стихотворения; размер «Бородина» мог остаться для не ожидающего этой параллели читателя (хотя трудно представить читателя, не знакомого с лермонтовским текстом хотя бы по школьной программе) и незамеченным, если бы не последний стих.

крутым...» (1988); «Где теперь? Где-нибудь на Тобаго теперь, в Тринидаде...» (1992), «Мне приснилось, что все мы сидим за столом...» (1994); «Какой бы ни был самый сладкий голос...» (1995); «С свинцом в груди и жаждой мести...» (1995); «Быть может, эта жизнь – одно стихотворенье...» (1996); «Шестьдесят мне исполнилось лет...» (1996); «Обратясь к романтической ветке...» (2000); «Какой в них впрыснут яд...» (2005); «Мрачность» (2008) (об этом стихотворении см.: [6, с. 199–200]); «Летней ночью, августовской, поздней...» (2009), «Державинская флейта и труба...» (2010); «Поговорить бы тихо, сквозь века...» (2011); «А не случись дуэли той...» (2011); «Может быть, ангел берёт наобум...» (2012); «Кто старше нас, тот старше, даже если...» (2013); «С милого севера в сторону южную...» (2014) (сведения о книжных публикациях этих стихотворений см.: [7]). Четвёртое от конца этого перечня и два последних стихотворения в книги пока не входили; они опубликованы соответственно: Знамя. 2012. № 4. С. 81–82; Новый мир. 2014. № 2. С. 2; Знамя. 2014. № 10. С. 195. (Наблюдения Кушнера над отдельными произведениями Лермонтова см.: [8, с. 368–370, 382–383].) Даты написания упомянутых здесь и далее стихотворений сообщены нам самим поэтом, которому мы сердечно благодарны за помощь.

Параллель в самом деле неожиданная – хотя бы потому, что в качестве связующего два текста признака выбран признак формальный – стихотворный размер. Не только размер – ещё и строфика «Бородина», Кушнером тоже повторённая: *aabcccb*. Сохранено и расположение стихов разноstopного ямба: третий и седьмой стихи каждой стопы написаны трёхstopным ямбом, остальные – четырёхstopным. Содержание же стихотворения от лермонтовского «Бородина» вроде бы далеко. Впрочем, не будем торопиться с выводами.

Стихотворная ритмика – а также и строфика – вообще являет собой, начиная с первых книг Кушнера, предмет его лирической рефлексии; этой особенности его творчества и творчества некоторых поэтов-современников посвящена специальная статья С. С. Бойко [10]. Размер стиха не раз оказывается как бы созвучен настроению кушнеровского героя и окружающему его миру, например: «Сплошная выдумка, химера, / Со мною рядом на тропе / Ты возникаешь из размера / В стихах совсем не о тебе» («Сплошная выдумка, химера...», 1962 [11, с. 64]); «...зло – как сон дурной, / Добро ж подсказано всем ходом / Стиха, размером, хороводом / Дубов, стоящих за спиной» («Я видел подлость и беду...», 1964 [9, с. 29]); «Он (город. – А. К.) холод вдыхает / на зимний манер / и сам выбирает / короткий размер» («Бледнеют закаты...», 1964 [12, с. 26]); «Кто нам сбивчивый ритм небывалый диктует? Ходьба» («Прогулка», 1977 [13, с. 110]). Если же стихи навеяны каким-либо литературным источником, они оказываются сознательно выдержаны в его ритме. Таково, скажем, стихотворение «О, басни тяжкие! Так вот зачем меня...» (1982), с его вольным ямбом, навеянное воспоминанием о чтении басен Крылова в школе: «...Я был за автора, и голос мой был ровен. / Какую старину / Являл шум мельницы, лай моськи, чад жаровен...» [14, с. 82] Другой пример – восходящее к пушкинскому «Из Пиндемонти» (александрийский стих) стихотворение «Июль 1836» (1984), в котором ощущается не только ритмическая, но и собственно текстуальная переключка с источником: «Зависеть от царей, от их крутого нрава...» [15, с. 7] – ср. у Пушкина: «Зависеть от царя, зависеть от народа...»

Нам думается, однако, что диалог с Лермонтовым в стихотворении «Вбежал на холм и задохнулся...» гораздо глубже, чем это может показаться при поверхностном восприятии ритмического сходства, – несмотря на то, что сам по себе *размер* «Бородина» притягателен и, будучи всегда «на слуху» у внимательного читателя, вполне способен порождать самостоятельную поэтическую рефлексию. Но здесь важно помнить о том месте, которое «Бородино» занимает в судьбе самого Лермонтова.

Написанное в 1837 г. (как и более раннее «Поле Бородина») на основе нескольких исторических и литературных источников (см.: [16]), знаменитое стихотворение – с простым героем-солдатом, с деталями армейского быта («кивер... весь избитый», «штык точил»), с просторечной лексикой и фразеологией («у наших ушки на макушке!», «прилёт вздремнуть» [17, с. 369, 370]) – ознаменовало собой важнейший поворот в творческом сознании его автора: от байронического эгоцентризма к постепенному приятию мира в его полноте. «...Он поднялся, – замечал в своё время о Лермонтове Ю. Айхенвальд, – на ту предельную высоту, где человек достигает благоволения, где он постигает значительность будней, подвиг простоты» [18, с. 451]. Если «значительность будней» и «подвиг простоты» действительно налицо в «Бородине», то «благоволение», т. е. «элементы нежности, духовной тишины» в противовес беспокойству «сумрачной, недовольной души» [18, с. 446] отчётливо проступают в других лермонтовских шедеврах того же 37-го года – и прежде всего в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...». Именно оно (причём в большей степени, чем «Бородино») и является,

на наш взгляд, ключевым лермонтовским претекстом стихотворения Кушнера. Попробуем это аргументировать.

Напомним, что лирический сюжет в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» заключён в преодолении душевной *тревоги* героя, происходящем под воздействием пейзажа. Не экзотический грузинский «божий сад» («Мцыри») и не «пустынный и мрачный гранит» («Воздушный корабль»). Нет, источником вдохновения и преображения оказывается простая – но, конечно, опозитизированная – среднерусская природа:

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой... [17, с. 379.]

Такова поэтическая логика просветления лирического героя Лермонтова. Сказать «...И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу Бога...» (притом что у него есть и скептически-саркастическая «Благодарность»; ниже она нам ещё понадобится) хочется в минуту единения с природой. Именно благодаря ему в лермонтовском шедевре «простые факты земного бытия становятся вдруг знаками Божиего присутствия в мире», что и составляет, по мысли С. Ломинадзе, «тайну, которой живёт стихотворение» [19, с. 104]. Собственно говоря, «простые факты земного бытия» (С. Ломинадзе) и есть *свежий лес, малиновая слива, ландыш серебристый*... От этого стихотворения протянется нить к бытовым и пейзажным мотивам предсмертной лермонтовской «Родины»...

Но ведь в стихотворении Кушнера воплощена похожая коллизия! Оно подтверждает общее замечание исследователя о природе в творчестве этого поэта как о «спасительном откровении человеку о чистой и счастливой сущности бытия, которая забывается им за страданиями и невзгодами повседневной жизни» [20, с. 276]². Факторов, потенциально обеспечивающих просветление лирического героя, здесь всего два: помимо *размера «Бородина»*, это ещё *цветы* («То ли цветы такие...»). И второй (а в тексте он стоит на первом месте) не менее любопытен, чем первый. Прежде всего, пейзаж у Кушнера скорее снижен, чем опозитизирован. Если не считать *огненного шиповника* (это действительно поэтизация), остальные растения выглядят или нейтрально (*боярышник в тени; цикорий голубой*), или сниженно: *люпины в жёлтых балахонах; полутцветишая синюха, медвежье войлочное ухо*. Но в любом случае это привычный глазу жителя средней России пейзаж. Поэт словно подчёркивает обыденность природы, которая должна контрастно оттенить эмоциональный прорыв в финале. Неужели такие, невзрачные вроде бы, растения, способны поменять настроение героя? Да, именно они, в своей совокупности, и способны.

Лирический герой Кушнера к полевым цветам вообще равнодушен (а сам поэт даже знаком со специальной литературой о них). Его притягивают их про-

---

² Теме «природа и творчество» посвящён специальный параграф кандидатской диссертации И. А. Кудрявцевой [21]. Нас, однако, удивило, что автор этой работы причисляет стихотворение «Вбежал на холм...» к тем произведениям поэта, в которых «появляется образ бинокля» [21, с. 43]. Никакого «бинокля» в тексте нет.

стота и безыскусность, а также способность обретать метафорический или символический смысл, отражать человеческую жизнь: «И всем друзьям и милым жёнам их, / Превозмогавшим с нами бремя злых / Лет, – шлём привет от имени двухцветных / Цветочков этих, словно в шерстяных / Домашних кофтах, вязаных, заветных» («Не знали мы названия цветка...», 1994 [22, с. 38]); «В окне вагонном под откосами / Мелькает призрак иван-чая. / Кем надо быть, чтоб этот розовый / Цвет миновать, не замечая? / Ну что ж вы, русские художники, / Народолюбцы, интроверты, / Где ваши грубые треножки, / Чернорабочие мольберты?» («Иванчай», 1999 [9, с. 543–544]). «Героями» кушнеровских стихов могут оказаться даже сорняки – например, крапива или лопух, – отчего лирическая картина становится ещё более демократичной. Но главное: непритязательный, казалось бы, пейзаж оказывается исполнен глубокого поэтического смысла и воздействия на душу лирического героя. Так – вполне, повторим ещё раз, по-лермонтовски – происходит и в стихотворении «Вбежал на холм и задохнулся...». Заметим заодно, что, помимо мотива *цветов*, стихи Кушнера связывает со стихами Лермонтова мотив *ручья*, звучащий в том же поэтическом ряду, в составе лирического пейзажа: «Когда студёный ключ играет по оврагу» (Лермонтов) – «Бежал ручей в кустах зелёных» (Кушнер)³.

Именно мотив *цветов* оказывается нитью, неожиданно связывающей стихотворение «Вбежал на холм...» с другим «лермонтовским» стихотворением Кушнера, написанным уже в другую эпоху – «Какой в них впрыснут яд...» (2005). Теперь, правда, цветы оказываются искусственными, и это как раз и определяет ключевую поэтическую мысль стихотворения:

...О, красоты запас
С искусственным акцентом!
Я думаю, и нас
Снабдят таким ферментом,
Что беды и года
Уже души не тронут.
Подчищена среда,
Тепличный грунт прополот.

И вряд ли кто сказать
Рискнёт в стихах, что грустно
И некому подать
Руки, – откуда чувство
Такое? Не смеси
Признаньями отныне
Про детский жар души,
Растраченный в пустыне [24, с. 312].

Конечно, лирическая ситуация здесь широка: она определяется лирическими раздумьями о прагматизации современной жизни в сравнении с прежними временами. Отсюда – скепсис и горькая ирония поэта. Но именно лермонтовские реминисценции – из стихотворений «И скучно и грустно...» и «Благодарность» – появляются в стихах не случайно. Диалог с классиком строится как поэтический

---

³ В стихотворении «Вбежал на холм и задохнулся...» есть и пушкинская реминисценция: «Тому назад ещё мгновенье / Жизнь вызывала отвращенье». Ср. в «Евгении Онегине»: «Тому назад одно мгновенье / В сем сердце билось вдохновенье» (гл. 6, строфа XXXII), а также в наброске «Тому одно, одно мгновенье...» [23, т. 4, с. 113; т. 2, с. 489]

парадокс: оба названных стихотворения выражают как раз дух Лермонтова-скептика, а не Лермонтова просветлённого. Напомним: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, – / Такая пустая и глупая шутка...» [17, с. 426]; «...За жар души, растроченный в пустыне, / За всё, чем я обманут в жизни был...» [17, с. 445]. Кушнеру должен быть нужен, казалось бы, «другой» Лермонтов – Лермонтов просветлённый, как в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...». Здесь уже другая расстановка акцентов: теперь зна́ком душевного волнения и культурной памяти оказывается *весь* Лермонтов (и с ним, наверное, поэтическое мировосприятие вообще) вне зависимости от тональности и настроения отдельных стихотворений. Но в любом случае *цветы* являются в стихотворении Кушнера «союзниками» лермонтовской поэзии, и в этом смысле стихи 2005 г. как бы продолжают и кушнеровские же стихи 1973 г., и «Когда волнуется желтеющая нива...» самого Лермонтова.

Между тем лирическая ситуация просветления, родственная той, что воплощена в лермонтовском шедевре, не раз встречается в стихах самого Кушнера – как в сравнительно ранних, так и в позднейших, написанных после 1973 г. Окружающий лирического героя мир – будь то родной город или загородный пейзаж (природа!) – может вдруг словно толкнуть его, вернуть к полноценному бытию от каких-то душевных невзгод. Скажем, лирический герой стихотворения «По сравненью с приметам зим...» (1963) «спустился в глубокий овраг» и оказался лицом к лицу с небытием, готовым принять его к себе: «Дай мне силы подняться наверх, / Разговором своим развлеки, / Пощади. Я ещё не из тех, / Для кого этот блеск – пустыяки» [9, с. 57]. Отчасти сходную ситуацию переживает герой стихотворения «С тобой, со мной, с продрогшим садом...» (1964): «Ты тоже, хмурый и унылый, / Наставив ворот, смотришь вниз? / Не привередничай, мой милый! / Побойся бога, оглянись! / Полузаметен и неярок, / Как бы увиденный сквозь сон, / Таится город, как подарок, / Что неспроста преподнесён» [9, с. 56]. Кажется, с годами эта лирическая оппозиция становится у поэта даже жёстче, контраст двух психологических состояний – острее: «Я б жизнь разлюбил, да мешает канат / И запах мазута, весёлый и жгучий. / Я жизнь разлюбил бы – мазут виноват / Горячий. Кто мне объяснит этот случай? <...> Я жизнь разлюбил бы, я с вами вполне / Согласен, но, едкая, вот она рядом / Свернулась, и сохнет, и снова в цене. / Не вырваться мне. / Как будто прикручен к ней этим канатом» («Я шёл вдоль припухлой тяжёлой реки...», 1977 [9, с. 206]). К этим стихам вполне подходит замечание И. Б. Роднянской о восходящей к традиции Чехова и Пруста «предметной связи» лирического сознания Кушнера с «какой-нибудь безделицей, запахом» как «возбудителями эмоциональной памяти» [25, с. 400] (о двух последних стихотворениях см. также: [26], по алф. указ.).

Стоит привести, наконец, одно из написанных поэтом уже в новом веке стихотворений – «Когда на жизнь смотрю чужую...» (2006), кстати, именно И. Роднянской и посвящённое. Оно построено на антитезе *жизни чужой* («...когда впустую / Уходит время как вода, / Когда лишь множатся потери, / Утраты в ней... <...> Томлюсь и в Бога я не верю – / Печальный смысл, напрасный труд») и жизни *своей*, исполненной высокого смысла и содержания:

Когда на жизнь смотрю свою,
На этот коврик у порога,
На тех, кого хотя б немного
Любил, на ту, кого люблю <...>
На всю тщету и толчею,
Судьбу, – бедна она, убога,

Но в ней узор распознаю
Поверх печального итога
И вижу смысл, и верю в Бога,
Молчу, скрываюсь и таю [27, с. 14–15].

Тютчевская реминисценция в финале («Молчи, скрывайся и таи...») не может заслонить более, на наш взгляд, значимую здесь аллюзию на лермонтовское стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...». В пользу её говорит мотив Бога («И в небесах я вижу Бога»), и отмеченная выше антитеза, выраженная с помощью придаточной конструкции со значением уступки («Когда...», а также не прозвучавшее у Кушнера, но подразумеваемое «Тогда...»). Но самое важное заключено в том, что Кушнер сохраняет основную лирическую коллизию лермонтовского шедевра: ощущение гармонии бытия перевешивает чувство мрака и безысходности. Напомним ещё раз: «Тогда смиряется души моей тревога...»⁴ – и лишний раз убедимся в неслучайности и значимости лермонтовского лирического «комплекса» в открывающем весь этот поэтический ряд стихотворении 1973 года.

Список литературы

1. Кулагин А. В. Пушкинский «Памятник» и современные поэты: (И. Бродский, А. Кушнер) // Болдинские чтения. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998. С. 64–73.
2. Фёдорова Л. Г. Пушкин в поэзии Александра Кушнера // Пушкин и русская культура: Работы молодых учёных. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 2. С. 142–154.
3. Ячник Л. Н. Традиции Мандельштама в творчестве Александра Кушнера // Литературоведческие штудии. Киев, 2010. № 26. С. 568–574.
4. Ячник Л. Н. Особенности восприятия русской поэтической классики в лирике Александра Кушнера // Філологічні трактати. Сумы, 2011. Т. 3, № 1. С. 41–48.
5. Гельфонд М. М. «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. М.: Биосфера, 2012. 220 с.
6. Кучина Т. Г. Мотивы лирики М. Ю. Лермонтова в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Т. 1. С. 199–202.
7. «Стихов неотразимый строй...»: Указатель стихотворений Александра Кушнера, вошедших в его авторские сборники: 1962–2011 / Сост. А. В. Кулагин. Коломна: МГОСГИ, 2011. 60 с.
8. Кушнер А. Аполлон в траве: Эссе. Стихи. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 632 с.
9. Кушнер А. Избранное. М.: Время, 2005. 720 с.
10. Бойко С. «Дивный выбор всевышних щедрот...»: Филологическое самознание современной поэзии // Вопр. лит. 2000. № 1. С. 44–73.
11. Кушнер А. Первое впечатление: Стихи. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. 96 с.
12. Кушнер А. Ночной дозор: Вторая книга стихов. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 124 с.
13. Кушнер А. Голос: Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1978. 128 с.
14. Кушнер А. Дневные сны: Книга стихов. Л.: Лениздат, 1986. 88 с.
15. Кушнер А. Живая изгородь: Книга стихов. Л.: Сов. писатель, 1988. 144 с.
16. Кормилов С. И. Лермонтовское «Поле Бородина» и «Бородино» на фоне исторических источников // Лермонтов и история: Сб. науч. ст. Великий Новгород; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 27–38.
17. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука, 1979. Т. 1. 656 с.

⁴ См. также стихотворение «Верю я в Бога или не верю в бога...» (1998 [9, с. 546–547]).

18. *Айхенвальд Ю. И.* Памяти Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. ин-та, 2002. С. 444–452.
19. *Ломинадзе С.* Диалог с небом. 1837-й год // Ломинадзе С. Поэтический мир Лермонтова: Сб. ст. М.: Современник, 1985. С. 89–167.
20. *Эшштейн М.* Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 304 с.
21. *Кудрявцева И. А.* Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера: Дисс. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2004. 184 с.
22. *Кушнер А.* На сумрачной звезде: Новые стихи. СПб.: Акрополь, 1994. 104 с.
23. *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974–1978.
24. *Кушнер А.* В новом веке: Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 336 с.
25. *Роднянская И. Б.* Кушнер Александр Семёнович // Русские писатели XX века: Биогр. словарь. М.: Большая Росс. энциклопедия; Рандеву-АМ, 2000. С. 399–402.
26. *Кулагин А. В.* «Я в этом городе провёл всю жизнь свою...»: поэтический Петербург Александра Кушнера. Коломна: МГОСГИ, 2014. 142 с.
27. *Кушнер А.* Облака выбирают анапест: Стихи. М.: Мир энциклопедий Аванта+; Астрель, 2008. 96 с.

A. V. Kulagin

Kolomna, Russian Federation

**LERMONTOV'S MOTIVES IN the LYRICAL THEME A. KUSHNER
(«RAN UP THE HILL AND GASPED...»)**

The poem «Ran up the hill and gasped...» (1973) is chronologically the first of the two dozen lyrical works of Alexander Kushner, containing Lermontov's motives. The starting point of associative Lermontov background of the poem becomes a direct reference to the poem «Borodino» (mention the amount of «Borodino» as a sign generally inherent Kushner of reflexivity poetic thoughts), which offers a roll with other relatively late Lermontov's works – first of all, «I am yellowing field...». Relationship poems by two poets is provided by a single for them a sense of peace and harmony perception in all its fullness transmitted through landscape motives; Lermontov came to this poetic thoughts at the end of life, Kushner does it tend, at all stages of his career.

Keywords: Kushner; Lermontov; the lyrical theme; motive; rhythm; the enlightenment.

Kulagin Anatoly V. – Doctor of Philology, Professor of Literature of Moscow State Region Social-Humanitarian Institute (30 Zelenaja Str., Kolomna, Moscow Region, 140411, Russian Federation, kula-mariya@yandex.ru)